

Мемуары эти не только рассказывают нам об его идейной и литературной биографии. Они сами являются документом, характеризующим сложный и противоречивый путь Белого к социализму.

Достаточно сравнить "Воспоминания о Блоке" из берлинской "Эпопей" с книгой "На рубеже двух столетий" и особенно с "Началом века", чтобы сделалось совершенно ясным то принципиальное направление, по которому шло идейное развитие Белого в последние годы его жизни.

Новые позиции А. Белого нашли себе выражение прежде всего в его мемуарах. Эти мемуары показывают также настолько "автобиографична" и художественная проза Белого.

Кажется по временам, что мемуары — это просто документальный комментарий к его романам, что и проза и мемуары это дополняющее друг друга повествование об одних и тех же вещах, одних и тех же лицах. Можно без труда провести параллели между героями романов Белого и "героями" его мемуаров.

Творчество Андрея Белого — и прозаика, и поэта, — начиная от "Симфонии" и "Золота в лазури", имело определяющее значение для всей истории русского символизма. Каждое новое произведение Белого было этапом в развитии русского символического движения.

Если верно было характеризовать дореволюционную прозу Белого, как "спиритуалистическую возгонку старого быта", то и самый быт был представлен в этой прозе методами гротесковой подачи, методами гоголевской ирреализации быта.

Сатирический гротеск имел задачей создать

философское переосмысление действительности, служил орудием для доказательства противоречия между действительностью и мистическим смыслом, скрытым от жизни.

Философский иронизм характеризует и стихи Белого, главным образом, конечно, "Урну", к которой Белый перешел от гражданской некрасовской лирики "Пепла".

Жизнь шепчет он, остановясь

Средь зеленящих могиллок,

Метафизическая связь

Транспедентальных предпосылок

Эта философская и мистическая ироничность сближает работу Белого с эстетикой экспрессионизма (и не случайно книгу "Звезда" Белый открывал посвящением немецкому поэту Моргенштерну).

Именно эта философическая ирония заставляла некоторых советских критиков несколько лет тому назад вообще утверждать отсутствие у Белого "реального плана", утверждать, что "бытовизм Белого реален только формально".

Но эти утверждения были ошибочными. Именно обобщенный социальный смысл таких дореволюционных вещей Белого, как "Серебряный голубь" и в особенности "Петербург", делает их, несмотря на мистическую окраску социальной сатиры Белого, глубочайшими произведениями эпохи империализма. Глубокий социально-политический смысл этих романов стал виден самому Белому много позднее.

В книге "Как мы пишем" он говорит следующее:

"В 1916 году... я пожалел, что поторопился с написанием 'Петербургa' и особенно с написанием 'Голубя', ибо 'Голубь' и 'Петербург' один роман, место действия которого царский Петербург, а время — не 1905 год, а 1914—1915 годы. Задание же — показать разложение темных кулацких масс деревни и бюрократических верхов столицы, т.е. гибель царской России..."

"Явление новых, непредвиденных качествностей и составляет основу так называемого 'мышления образами'... Я обещаю редактору одно, а приношу другое. Обещает публицист, а качество приносит художник. Так было со мной в 1911 г., когда я обещал редактору 'Русской мысли' Струве 2 тома 'Голубя', а принес 'Петербург'. Струве, пришедший в ярость от неожиданной пародии на тогдашнюю государственность, отвергнул роман, и я остался без гроша денег".

"Петербург" А. Белого по своему социальному содержанию едва ли не наиболее значительное произведение Белого. Из сатирического романа о бюрократическом Петербурге он вырастает до размеров обобщающей характеристики итогов "петербургского периода русской истории".

После революции Белый проделал огромный путь идейного развития, нашедший выражение и в эволюции его творчества.

Опираясь на элементы своего творчества, приближающие его к современности, Белый борется за изменение соотношения в своей прозе двух планов: плана реального, сатирического изображения действительности, критики быта, — и плана мистики, отвлеченности, абстракции.

Быт в творчестве Белого становится теперь центральной проблемой, обретает материальную "весомость".

Бытовой гротеск из способа ирреализации превращается в средство полемической рисовки поругетов.

"На рубеже двух столетий" и "Москва" оказываются памфлетами с обильным и ценным материалом, памфлетами против "профессорской Москвы".

А. Белый теперь полемически рассказывает о "быте верхов ученой интеллигенции, среди которой встречались имена европейской известности". Белый теперь выступает сатириком, критиком русской высококвалифицированной дворянско-буржуазной интеллигенции.

В своих мемуарах Белый пытается теперь пересмыслить значение и содержание символистического движения.

"Бунт символистов" Белым теперь представлен, как слом поколений эпохою рубежа, как бунт против косного быта, как движение различия двадцатого века, свое "чужие рубежа", осмысляющего "метеорологически".

Он пишет в "На рубеже двух столетий":

"Марксистская критика должна базироваться на подлинном материале, а не на сочиненном. Сочинен средневековой схоласт Белый, сблизняющий Блока мистицизмом, может быть, 'схоласт' Белый сблизнен неправильным истолкованием им изученных фактов естествознания... так и надо говорить: Томсон, Оствальд, Эйнштейн вместе с декадентом Белым неправильно истолковали данные науки и проблеме имманентности".

Мы не думаем, что символистическая мистика есть оборотная сторона "эмпирического изучения действительности". Мы думаем, что она есть свойство буржуазного сознания в эпоху гибели капитализма, сознания, даже в эмпирической

науке ищущего базы для своих, говоря словами Белого, "трансцензусов".

Мы думаем, что современная символистам наука и точные знания, пополненные и переработанные современной же идеалистической философией, использовались символистами в интересах построения идеалистической эстетики.

Но мы думаем также, что в реабилитационном переосмыслении истории символизма, которое характеризует мемуары Белого, имеется и то положительное содержание, что это переосмысление выражает также и огромный процесс борьбы Белого за переосмысление собственной творческой работы.

Может быть, ни в одном из произведений Белого эти принципиальные противоречия его развития не представлены с такой поразительной отчетливостью, как в его "Масках" (1933 г).

В этом романе Белый поставил себе задачу показать широкую картину эволюции лучших представителей академической дореволюционной интеллигенции к мировосприятию пролетариата.

Путь профессора Коробкина к идеологии социализма — такова тема этого социального романа.

И Белый пытается подчинить этой принципиальной задаче свою художественную систему.

"Маски" — этот социальный роман об эпохе империалистической войны, о годах, непосредственно предшествовавших революции 1917 года — сохраняют все основные особенности поэтики символистической прозы Белого. И прежде всего — музыкальное "симвфоническое

восприятие действительности".

Такой именно смысл имеет то обстоятельство, что весь роман — эта ритмическая тема в прозе — объединен звукообразом: Мандро. Весь роман инструментирован звуками, входящими в слово "Мандро". "Маски" — я бы сказал — являются наиболее классической иллюстрацией символистической теории звукообраза.

Повествовательный метод А. Белого — его эстетическая система — в "Масках" уже не является органическим выражением его идейной позиции политическое сознание А. Белого обогнало развитие его эстетики, вступило с нею в противоречие и оказалось, что эстетическая система Белого существует в "Масках" обособленно от принципиального смысла "Масок".

Метод ведения повествования — гротеск, каламбур, комические и многозначительные недомолвки — весь арсенал философической иронии Белого — сосуществует с идейной сутью "Масок".

Так, глава о зверском убийстве Мандро, несколько напоминающем убийство Распутина, обозначена комическим заглавием "Сюжи к новым возможностям". Кривая линия повествования подчеркивается "рваной композицией" — крошечными главами, как бы кино-кадрами. Повествование приобретает вид иронического уничтожения того основного плана романа, который в романе утверждается. Кажется, что все те средства, которыми А. Белый пользуется в своем произведении, катастрофически забесились и обрушились на принципиальное содержание сознания писателя.

Эта противоречивость "Масок", этот бунт литературных

средств — если позволить себе образное выражение — картина величественная и драматическая.

Катастрофические противоречия в "Масках" показывают, какого великого писателя, идущего к революционному мировоззрению, потеряла советская литература.

Review

The Russian Symbolists: An Anthology of Critical and Theoretical Writings. Edited and translated by Ronald E. Peterson. Ann Arbor: Ardis, 1986. 223 pp., \$25.00 (cloth).

Thanks largely to the efforts of the Ardis publishing-house in Ann Arbor, the amount of Symbolist fiction now accessible to non-Russian speaking readers both in America and in the U.K. is very considerable. Ronald Peterson played a valuable role in this process of cultural dissemination, in respect not so much of what he actually succeeded in publishing during his tragically brief career — Belyj's *Complete Short Stories* (Ardis, 1979) was his major modernist translation — as of the fact that he saw the importance of alerting Anglo-American readers to the significance of the Symbolist cultural endeavor as a whole. To this end, he judged that the time was ripe for producing an anthology of theoretical and critical works by Symbolist writers as an attempt at outlining, in a preliminary way at least, the cultural context and literary rationale which underlay their primary achievements in poetry, drama and fiction. The result was the book now under review — a collection of some two dozen articles and reviews featuring all the leading Symbolist writers, supplemented by translations of manifesto statements from four of the Symbolist journals. The arrangement is chronological, most of the pieces are translated in their entirety, and only three have appeared in English before.

After a short historical introduction by the editor, the book opens with extracts from Merežkovskij's "On

the Reasons for the Decline, and the New Currents, in Contemporary Russian Literature," which are particularly valuable for the way in which they focus attention on the Goethean definition of symbol versus allegory. Brjusov's introductions to the three *Russian Symbolists* collections are also given, as are Vladimir Solov'ev's ironical, yet obviously delighted, responses to them — all works which reveal the hope, the youthful good nature and the intellectual vigor of the movement's debut in Russia. A little later we encounter Brjusov's celebrated manifesto, "Keys to the Mysteries," published in the first ever issue of *Libra* (No. 1, 1904), an article notable both for the way in which Brjusov clears the theoretical ground for rational aesthetic investigation in the future, and also for an eclectic and quite illogical nod in the direction of mystical symbolism. The stage was thus set for his later, bitter polemic with Ivanov, Blok and Belyj on the crucial importance of distinguishing between artistic means (symbolism as a form of art) and artistic ends (symbolism as a world-view). This, the great debate of the "end of Symbolism," is fully represented in the present volume.

Critics will never agree as to precisely what material should be included in a book of this sort, of course. I personally wonder at the editor's decision to focus quite as much attention as he does on Konstantin Bal'mont, for example — never in himself a theoretician worthy of study, after all (see his "Elementary Statement about Symbolist Poetry" included in this volume), and, of the Symbolist "greats," the one who has probably worn least well with posterity (yet substantial reviews of his poetry by both Brjusov and Annenskij are included here). Similarly, I find Zinaida Gippius' contribution to the

contemporary debate on "decadence" and social morality somewhat oblique, and Belyj's riposte to it marginal to the point of irrelevance. This was coterie writing of the worst kind. On the other hand, I should have welcomed one of Belyj's more full-blooded defences of the role of "theurgy" in Symbolist art (his 1906 article on Brjusov "A Wreath of Laurel," reprinted in *The Green Field*, 1910) and almost any of Ivanov's early programmatic articles ("Two Elements in Contemporary Symbolism," 1908?). These are somewhat ungrateful quibbles, however. The book succeeds very well in its primary aim which is to provide, by means of concrete examples, a literary-historical context for reading the great works of Russian Symbolism. As the editor noted in his introduction, however, "it cannot serve as a history of this movement, which is the subject of another volume, *A History of Russian Symbolism, 1892-1917*" (p. 7). It is at least some consolation to know that, shortly before his death in 1986, Ronald Peterson managed to complete work on that second volume, which he regarded as his most significant contribution to Symbolist studies. Its publication will be eagerly awaited.

Roger J. Keys, University of St. Andrews

Robert Mann, *Andrei Bely's "Petersburg" and the Cult of Dionysus* (Lawrence, Kansas: Coronado Press, 1986), 124 pp.

Robert Mann's book offers a comprehensive illustration of the "Dionysian" motif in Belyj's novel. As such it will prove useful to scholars in the field. The author's firm grasp of classical mythology enhances the value of his reading of the novel. The study is expository rather than argumentative in character; it contains short, loosely-connected, chapters which treat various aspects of the central issue.

There are a few shortcomings in Mann's work which should be addressed. Had the author paid full attention to the implications of "duality" in *Petersburg*, he would certainly not have found it contradictory that numerous (if not all) elements of the text are endowed with both "Apollonian" and "Dionysian" moorings. Dual associations are fully manifest, of course, in the figure of Peter the Great who, like such levels of meaning as the "fourth dimension," the "astral" activity and the dreaming consciousness, is all but ignored by Mann.

The author recognizes that the name of Sofja Petrovna Lixutina contains dual implications: "Sophia" stands for divine wisdom while "lixo" means "devil." One wonders, however, why Mann does not question the "devilish" connotations of the name Lixutin when he discusses the lieutenant whom he regards as "the central Christian symbol of the novel" (50). Insufficient attention is paid to the pervasively

sardonic tone of the novel which tends to demystify myth. Belyj's is a modernist text whose "mythical method" merges mythic and every-day experiences, thus bringing about grotesque figurations.

The bulk of the book, which focuses on *Petersburg*, is followed by a short essay about the influence the novel exerted on early Soviet literature. If the proper treatment of Babel', Pil'njak and Zamjatin is "beyond the scope" (p. 85) of the author's study, it is debatable whether it is worth making a few general comments about Belyj's influence on these writers.

Notwithstanding the above criticism, the book is interesting and informative reading. The fifteen well-selected illustrations of Dionysiac themes in Greek art highlight many of the features analysed in the book which comes to the reader in a pleasing, hard-cover edition.

Peter I. Barta, Texas Tech University

Andrej Belyj: A Bibliography 1986-1987
Compiled by Julian Graffy

(N.B. Some materials from before 1986 have only recently come to my notice and are included here. Some materials from 1986 were included in last year's bibliography.)

I. Primary Material: Recent Publications and Reprints

- "Sergeju Aleksandroviču Poljakovu v den' dvadcatiletija *Skorpionca* ot starogo 'skorpionca,'" in J. Malmstad, "From the History of Russian Symbolism: Andrej Belyj and Sergej Poljakov," *Stanford Slavic Studies*, 1, 1987, pp. 95-102.
- Entry in the album of Serafima Pavlovna Remizova-Dovgello, *Russian Literature Triquarterly*, 19, 1986, p. 304.

II. Translations

- The Dramatic Symphony*. *The Forms of Art*, trans. R. Keys and A. Keys, and by J. D. Elsworth, intro. R. Keys (New York: Grove Press, 1987).
- Beiträge zur Rudolf Steiner Gesamtausgabe*. *Andrej Belyj und Rudolf Steiner. Briefe und Dokumente*, trans. V. Fedjuschin, No. 89/90 (Dornach: Michaeli, 1985). *

Reminiscences of Steiner (Ghent, New York: Adonis Press, 1987); includes excerpts from memoirs by Belyj, Asja Turgeneva and Margarita Vološina. *

III. Letters

- Letter from M. A. Beketova and Belyj's reply (1931) in memory of Blok, *Aleksandr Blok. Issledovanija i materialy*, resp. ed. Ju. K. Gerasimov (Leningrad: Nauka, 1987), pp. 249-262.
- Two letters from Xodasevič of 1921, *Voprosy literatury*, 9, 1987, pp. 241-242.
- Two letters to Pasternak of 1928 and 1930, *Voprosy literatury*, 8, 1986, pp. 274-280.
- Twelve letters to Sergej Poljakov in J. Malmstad, "From the History of Russian Symbolism: Andrej Belyj and Sergej Poljakov," *Stanford Slavic Studies*, 1, 1987, pp. 71-102.

IV. Secondary Sources

- Andrej Belyj: Spirit of Symbolism*, ed. J. Malmstad (Ithaca and London: Cornell University Press, 1987), 375 pp; contains 10 articles, listed individually; henceforth abbreviated as *Spirit*.
- Agiševa, N.
 "Andrej Belyj i teatr," *Sovremennaja dramaturgija*, 3, 1986, pp. 268-276.
- Aleksandrov, V. E.
 "Kotik Letaeu, *The Baptized Chinaman*, and *Notes of an Eccentric*," in *Spirit*, pp. 145-182.
- Arefeva, I. G.
 "Memuarное nasledie Andreja Belogo," in *Iz istorii kul'tury i obščestvennoj mysli narodov SSSR*,

- Moscow, 1987, pp. 123-141.
- Barta, P.
 "The 'Apollonian' and the 'Dionysian' in Andrei Bely's *Petersburg*," *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 32, 1986, pp. 253-261.
- Bennett, V.
 "Esthetic Theories from *The Birth of Tragedy* in Andrei Bely's Critical Articles, 1904-1908," in *Nietzsche in Russia*, ed. Bernice Glatzer Rosenthal (Princeton: Princeton University Press, 1986), pp. 161-179.
- Beyer, T. R., G. Kratz and X. Werner,
 "The House of the Arts and the Writers' Club - Berlin 1921-1923," *Russian Berlin: Publishers and Writers* (Berlin: Berlin Verlag, 1987). *
- Carlson, M.
 "The Silver Dove," in *Spirit*, pp. 60-95.
- Cassedy, S.
 "Bely the Thinker," in *Spirit*, pp. 313-335.
 "Bely's Theory of Symbolism as a Formal Iconics of Meaning," in *Spirit*, pp. 285-312.
- Cooke, O. M.
 "The Humorous Profanation of the Sacred in Belyj's *Moscow Novels*," *Russian Literature*, 21, 1987, pp. 217-231.
- Elsworth, J.
 "Moscow and Masks," in *Spirit*, pp. 183-215.

- Flaker, A.
 "Roman o revolucionarnom gradu (Andrej Bjeli)," in his *Ruska avangarda* (Zagreb: Globus, 1984), pp. 79-96.
- Fleishman, L.
 "Bely's Memoirs," in *Spirit*, pp. 216-241.
- Gasparov, M. L.
 "1905 god i metričeskaja evolucija Bloka, Brjusova, Belogo," *Učenyje zapiski tartuskogo gosudarstvennogo universiteta*, 735, *Blokovskij sbornik*, 7, 1986, pp. 25-31.
- Grigor'eva, E. G.
 "Raspylenie' mira v dorevolucionnoj proze Andreja Belogo," *Učenyje zapiski tartuskogo gosudarstvennogo universiteta*, 748, 1987, pp. 134-142.
- Ivanov, V.
 "O knige *Pepel*," in his *Sobranie sočinenij*, 4, Brussels, 1987, pp. 615-618; first published in 1909.
 "Vdoxnovenie užasa (o romane Andreja Belogo *Peterburg*)," *Ibid.*, pp. 619-629; first published in 1916.
- Janecek, G.
 "Zaum' as the Recollection of Primeval Oral Mimesis," *Wiener Slavistischer Almanach*, 16, 1985, pp. 165-186 (on Belyj see especially pp. 167-170).
- Keys, R.
 "Bely's Symphonies," in *Spirit*, pp. 19-59.

- Lourié, V.
Stichotvorenija — Poems, ed. with intro. by T. R. Beyer, Jr. (Berlin: Berlin Verlag, 1987); includes poems to Belyj. *
- Maguire, R. A. and J. E. Malmstad,
 "Petersburg," in *Spirit*, pp. 96—144.
- Maksimov, D.
 "Seeing and Hearing Andrey Bely: Sketches from Afar," in *Spirit*, pp. 336—356.
- Malmstad, J.
 "From the History of Russian Symbolism: Andrej Belyj and Sergej Poljakov," *Stanford Slavic Studies*, 1, 1987, pp. 71—102.
- Mandel'stam, O. E.
 "Poët o poëte," *Den' poëzii*, Moscow, 1986, pp. 106—108.
- Mirza-Avakjan, M.
 "Problema kul'tury i stilevogo sinteza v tvorčestve Andreja Belogo: (Sbornik očerkov Ofejra i Putevye zametki)," in *Tvorčestvo pisatelja i literaturnyj process*, resp. ed. P. V. Kuprijanovskij (Ivanovo: Ivanovo U. P., 1986), pp. 140—154.
- Molnar, M.
Body of Words: A Reading of Belyj's 'Kotik Letaeu', Birmingham Slavonic Monographs, 17, 1987, 58 pp.
- Pesonen, P.
 "Ideja sinteza v èstetičeskix vzgledax Andreja Belogo," *Studia Slavica Finlandensia*, 3, 1986,

- pp. 123—145.
- Vallankumouksen Henki Hengen Vallankumouksessa. Tutkielma Andrei Belyin Romaanista 'Peterburg' Ja Sen Aateustasta* (Helsinki: Slavica Helsingiensia, 1987), 454 pp.; (trans.: "The spirit of revolution in the revolution of the spirit. A study of Andrei Bely's novel *Peterburg* and its ideological background").
- Pil'skij, P.
 "O tex, kogo ja znal," *Vremja i my*, 94, 1987, pp. 207—242; Belyj pp. 227—233.
- Piskunov, V.
 "Vtoroe prostranstvo' romana A. Belogo *Peterburg*," *Voprosy literatury*, 10, 1987, pp. 127—155.
- Pustygina, N. G.
 "Ob odnoj simvoličeskoj realizacii idei 'sinteza' v tvorčestve Andreja Belogo: 1. Načalo 900—x godov," *Učenyje zapiski tartuskogo gosudarstvennogo universiteta*, 735, *Blockovskij sbornik*, 7, 1986, pp. 113—123.
- Rister, V.
 "Imja personaža u A. Belogo," *Russian Literature*, 21, 1987, pp. 99—113.
- Šabalina, N. N.
 "Žanrovo—kompozicionnoe svoeobrazie romana A. Belogo *Peterburg*," in *Žanr i kompozicija literaturnogo proizvedenija*, resp. ed. T. G. Mal'čukova (Petrozavodsk: Petrozavodsk U.P., 1986), pp. 147—151.

News from the Front

Professor Zoya Yurieff of New York University is writing a book entitled *Tvorimyj kosmos u Andreja Belogo*, (*Andrej Belyj: Cosmos—in-Creation*).

From the University of St. Andrews Professor Roger Keys shares with us a few epistolary details from A. V. Lavrov, one of the leading Belyj scholars in the Soviet Union, who has just prepared an edition of Belyj's poems of 1923, and is presently working on a new edition of Belyj's trilogy of memoirs.

Prof. John Malmstad sends word about two projects: 1) editing, annotating and introducing an unpublished lecture by Belyj on Puškin for publication, and 2) a book-length publication of Belyj's correspondence with Petr Zajcev.

We regret that in publishing Prof. Amy Mandelker's abstract in the fifth issue on page 51, we omitted one line. The middle of the first paragraph should read as follows: "a notion of synaesthesia which is a result of total iconic cohesion with the divine. His views are thus distinct from those of other Symbolist poet-theorists..."

Semenko, I.

"Stixi Andreju Belomu'," in her *Poëtika pozdnego Mandel'stama (ot černovyx redakcij k okončatel'nomu tekstu)* (Rome: Carucci, 1986), pp. 97-101.

Šeršenevič, V.

"Velikolepnyj očevidec. Poëtičeskie vospominanija 1910-1925 gg.," *V mire knig*, 9, 1987, pp. 57-64; Belyj p. 63.

Smith, G. S.

"Bely's Poetry and Verse Theory," in *Spirit*, pp. 242-284.

Steinberg, A.

"Marginalia to Andrey Bely's *Glossalotija*," *Slavonic and East European Review*, 65, 1987, pp. 404-410.

Szilárd, L.

"Andrej Belyj and Symbolist Prose," in *The Slavic Literatures and Modernism*, ed. N. A. Nilsson (Stockholm: Almqvist and Wiksell International, 1987), pp. 95-112.

Szöke, K.

"Elementy 'demonizma' v romane A. Belogo *Serebrjanyj golub*," *Acta Universitatis Szegediensis de Attila József Nominatae. Dissertationes Slavicae. Materialy i soobščeniya po slavjanovedeniju*, 14, 1981, pp. 85-96.

Voronin, S. D.

"Stat'ja V. D. Bonč-Brujeviča 'Arxiv Andreja Belogo'," in *Arheografičeskij ežegodnik za 1984 g.*, Moscow, 1986, pp. 273-276.

Few people are aware that perhaps the best textbook on Symbolism, incorporating lengthy introductions for individual authors and selections of original texts is *Russkaja literatura konca XIX-načala XX veka (1890-1917)*, Volume One (Budapest, 1981) by Prof. Lena Szilard. The article on Belyj introducing his poems and excerpted prose pieces should be required reading for every student of Belyj. You can order directly from: KULTURA, Hungarian Foreign Trading Company, P.O. Box 149, H-1389 Budapest, Hungary.

Professor Alexander Woronzoff of Smith College has written a review of the American edition of Belyj's *The Dramatic Symphony*, trans. by Roger and Angela Keys and *Forms of Art*, trans. by John Elsworth. It came out in *The New York Times Book Review*, Oct. 4, 1987.

Belyj's *Petersburg* seems to have entered the ranks of "punk" literature. Kathy Acker's new novel *Don Quixote* incorporates copious passages obviously under the phantasmogoric influence of the Russian original. Thanks goes to Prof. Eduardo Urbina, a Hispanist from Texas A&M University, for bringing this to our attention.